

**ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
«ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ»**

На правах рукописи

Притула Антон Дмитриевич

**«ВОСТОЧНОСИРИЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XIII–XVII ВЕКОВ:
ПУТИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ»**

Резюме

диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Москва 2021

Общая характеристика работы

В центре настоящего исследования – восточносирийская поэзия, созданная христианскими общинами Ближнего Востока в XIII–XVII века.

В рассматриваемый период контакты христианских общин Ближнего Востока с традициями других религиозных и этнических групп были очень интенсивными, что заметно обогатило церковную литературу (в том числе, сирийскую) как содержательно, так и с точки зрения поэтической техники. Этим контактам способствовало множество исторических событий: завоевание Ближнего и Среднего Востока монголами в XIII в., завоевание этих территорий турками-османами в XV–XVI вв., установление восточносирийскими общинами связей с Ватиканом в середине XVI века.

В этот период христианские общины уже составляли религиозные меньшинства в мусульманском окружении, поэтому литературная традиция на классическом сирийском языке (восточном диалекте арамейского) также испытывала его заметное влияние. По этой причине до недавнего времени (вплоть до последнего десятилетия) исследователи обходили вниманием позднюю сирийскую поэзию, очевидно, считая ее вторичной, в виду весьма сильных отличий от сирийской поэзии классического периода (IV–VII вв.).

Публикации последних лет продемонстрировали неверность такой оценки данного материала, оказавшегося весьма оригинальным и самобытным, и в то же время показали крайнюю недостаточность его изученности. Автор диссертации принадлежит к исследовательскому направлению, полагающему, что поэзия этой эпохи является важным и перспективным материалом для изучения.

Тема исследования

Различные аспекты развития и распространения восточносирийской поэзии XIII–XVII веков являются основной темой данной работы. Каждая из тематических глав посвящена рассмотрению круга проблем, связанных с этой темой, на материале различных групп текстов, которые были созданы

в определенную историческую эпоху и бытовали в течение последующих столетий. Значительное место в работе занимает выявление исторического контекста сочинения рассматриваемых произведений, а также определение роли поэзии в культурной и религиозной жизни восточносирийских общин. Одним из ключевых аспектов исследования является взаимодействие христианской сирийской литературы XIII–XVII вв. с мусульманской (арабской и персидской) поэтической традицией.

Под *восточносирийской поэзией* здесь понимается как поэзия на классическом сирийском языке, созданная представителями Церкви Востока («несторианской», локализованной, главным образом, в Месопотамии, Иране, Центральной Азии и Китае), так и поэтические произведения, сочиненные в общине Халдейской Церкви (восточносирийская униатская Церковь), образовавшейся из отделившихся от Церкви Востока епархий после раскола 1552 года. Как показано в исследовании, две эти общины находились в тесном культурном взаимодействии, несмотря на конфессиональное и институциональное противостояние.

Исследование охватывает, главным образом, средние и малые поэтические формы, по которым в наибольшей степени прослеживается эволюция и влияние сопредельных традиций. Кроме того, большая часть этих форм возникла в сирийской поэтической традиции именно в рассматриваемый период. Хронологические рамки, выбранные для исследования, неслучайны: именно на этом временном отрезке прослеживаются основные этапы эволюции восточносирийской поэзии.

Группы текстов, которые анализируются в этом исследовании, относятся, главным образом, к двум периодам истории Ближнего Востока: монгольскому (втор. пол. XIII – нач. XIV в.) и османскому (XVI–XVII вв.). Это во многом обусловлено историей восточносирийских общин, когда два периода подъема – «Сирийский ренессанс» (XI–XIV вв.) и расцвет начала

османской эпохи (XVI–XVII вв.) – были разделены более, чем веком упадка рукописной традиции и книжности, наступившего после опустошений, вызванных набегом Тимура (кон. XIV в.) и другими историческими катаклизмами.

Актуальность диссертации обусловлена малой изученностью сирийской поэзии позднего периода. Представленная к защите работа является первым и единственным монографическим исследованием, посвященным проблемам эволюции поэтических форм сирийской христианской поэзии в мусульманском окружении. Особенно актуальным представляется использование ранее недоступных исследователям рукописей из многочисленных ближневосточных коллекций. В целом памятники, исследованные в работе, представляют собой важную группу источников по истории культурного взаимодействия христианских общин на Ближнем Востоке с другими религиозными и культурными традициями.

Научная новизна исследования характеризуется следующими основными параметрами.

- В работе содержатся десятки ранее неизученных и не публиковавшихся текстов, которые представлены здесь в оригинале с критическим аппаратом и в переводе.
- Эти тексты впервые введены в научный оборот, кроме того, исследованы их поэтические особенности, а также исторический контекст создания.
- Впервые определены основные направления и вехи эволюции восточносирийской поэзии XIII–XVII веков.

Можно отметить, что в данной диссертации наиболее инновационной является **глава 1**, в которой впервые подробно анализируется уникальный гимнографический сборник «Вардā», а также **глава 4**, посвященная роли восточносирийской поэзии в оформлении и бытовании рукописей, основанная на ранее не изученном материале.

Методологическую основу диссертации составляют филологические методы исследования: на уровне издания – палеография и кодикология (идентификация рукописей, их датировка и атрибуция на основании анализа письма и технологических особенностей манускрипта), текстологический анализ (реконструкция истории текста, установление его редакций, форм бытования); на уровне исследования произведений – литературоведческий анализ (определение поэтических особенностей текстов, выявление основных черт индивидуального стиля различных авторов), сравнительно-исторический анализ (сопоставление текстов в диахроническом ключе, установление основных этапов эволюции поэтических форм и особенностей художественного стиля каждой эпохи в целом), лингвистический анализ (главным образом, в произведениях, где используется необычная лексика, например, характерные группы заимствований). Наряду с филологическими методами, основными на комплексном инструментарии, применяется исторический подход (определение исторического и культурного контекста), а также элементы искусствоведческого анализа (атрибуция произведений искусства на основе их визуальных особенностей) – главным образом, в разделе, посвященном стихотворениям, инкорпорированным в декоративные композиции рукописей.

Автор диссертации активно использовал в исследовании оцифрованные в начале 2000-х годов ближневосточные рукописные коллекции, доступные на сайте vNMML с 2017 года. Этот ресурс сделал возможным написание данной работы, открыв автору доступ к множеству ранее неизвестных текстов. Последнее особенно актуально для изучения коротких стихотворных произведений, которые часто располагаются между основными сочинениями, на переплетных листах, в «паратекстуальных» частях рукописи (писцовое введение, колофон и приписки) и не охватываются каталогизацией. Поэтому для их идентификации необходим сквозной просмотр манускриптов всех доступных коллекций. Эта операция

также дает исследователю представление, хотя и предварительное, о статистических закономерностях распространения и эволюции тех или иных стихотворных текстов, их корреляции с определенными типами рукописных книг. Ранее на основании сирийских рукописных собраний в Европе и США это представление было составить невозможно вследствие случайности подбора и сравнительной малочисленности манускриптов по сравнению с общим объемом рукописной продукции на Ближнем Востоке.

Цели и задачи исследования. Первоначальная цель исследования – введение в научный оборот многочисленных ранее неизвестных восточносирийских поэтических текстов XIII–XVII веков путем критических изданий с переводом. Для осуществления этой задачи было необходимо решать текстологические вопросы, связанные с этими памятниками, реконструировать их текстуальную историю, истории бытования, выявлять основные редакции произведений.

Поиски решений этих проблем сделали для автора исследования возможной постановку целей и задач более общего характера, связанных с историей поэтических форм и определением исторического контекста, оказывавшего влияние на сложные литературные процессы. Задачи, определенные исследовательскими целями можно сформулировать следующим образом:

- Выявление всех списков рассматриваемых произведений, определение основных редакций стихотворных текстов, а также типов сборников и антологий, в которых они встречаются.
- Анализ поэтических особенностей рассматриваемых текстов, характеристика основных стихотворных форм XIII–XVII вв.
- Выявление исторического контекста, в котором создавались поэтические произведения (события политической истории, биографические особенности поэтов и деятелей, которым посвящены стихотворения)

- Восстановление хронологии основных вех эволюции поэтических форм, их распространения, а также определение роли в этом процессе каждого из поэтов.
- Установление связей и взаимоотношений рассматриваемых восточносирийских поэтических текстов с поэтической традицией мусульманского окружения (арабской и персидской).

Более кратко задачи исследования можно сформулировать следующим образом: а) выявление корпуса текстов; б) анализ их особенностей и путей распространения; в) выявление основных этапов их эволюции; г) установление причин (исторического и культурного характера), повлиявших на этот процесс.

Положения, выносимые на защиту

- Гимнографический сборник «Вардā» представляет собой многослойный литературный памятник, складывавшийся в течение нескольких столетий. Предположительно можно выделить, по меньшей мере три основных этапа: 1) сочинение небольшого количества гимнов, приписываемых Гйваргйсу Варде (вероятно, пер. пол. XIII в.); 2) составление гимнографического сборника на весь богослужебный год путем добавления новых гимнов; 3) присоединение к основному корпусу сборника приложения из гимнов, посвященным мученикам, основателям монастырей в Месопотамии и католикосам Церкви Востока.
- Захват монголами Багдада в 1258 году и установление новой династии Ильханов (Хулагуидов), симпатизировавшей христианским общинам, привело к изменению характера поэзии, введению в нее новых тем и форм, экспериментам в области ритмики и рифмы. Структурно сложные инновационные произведения по-прежнему носили названия традиционных сирийских поэтических форм, которые подверглись переосмыслению.

- Четверостишия получили в сирийской литературе распространение в середине XIII в. под влиянием персидской поэзии. Вместе с этим поэтическая строфа, состоящая из четырех строк, была наиболее популярной еще в сирийской обширной строфической поэзии доисламского времени. Поэтому термин *tar'ā* стал пониматься и как четверостишие, и как стихотворная строфа более крупного поэтического произведения. В дальнейшем это, по-видимому, способствовало широкому распространению в сирийской поэтической традиции небольших тематических подборок четверостиший, содержательно связанных между собой.
- Отличительной особенностью восточносирийской поэзии, начиная с XIII века, явилось то, что основные ее авторы являлись священниками, церковными иерархами и одновременно – авторитетными переписчиками церковных книг. Это определило развитие поэзии на несколько столетий: переписка книг и труд каллиграфа становится одним из центральных ее тем.
- По вышеуказанной причине авторские поэтические сборники не получают широкого распространения, в отличие от персидской и арабской традиций. Стихотворные гимны, приобретшие большую популярность, начиная с XIII в., обычно группируются в сборники организованные в соответствии с церковным календарем; в них часто включаются тексты нескольких авторов.
- Переписывая церковные книги и разрабатывая канон их оформления, церковные иерархи и священники, будучи поэтами, вводили во вспомогательные («паратекстуальные») части богослужебных книг стихотворные пассажи: «писцовые» вступления, колофоны и заметки.
- Основной формой писцовой поэзии являлись четверостишия или же небольшие строфические стихотворения, состоящие из четверостиший. По сохранившимся рукописям и косвенным данным можно

предположить, что в этой сфере книжники османского времени подражали работам церковников-поэтов-каллиграфов конца XIII – нач. XIV вв.

- Восточносирийские книжники османского периода расширяли область использования поэтических текстов в оформлении рукописей. К числу инноваций этого этапа развития сирийской книжности, по-видимому, относятся четверостишия, инкорпорированные в миниатюры и декоративные заставки. Обычно они представляют собой просьбу о молитве за писца или заказчиков рукописи.
- Можно выделить два этапа развития традиции инкорпорирования писцовых «декоративных» четверостиший: 1) вписывание их в миниатюры иллюминированных рукописей евангельских лекционариев (XVI в.); 2) проникновение писцовых четверостиший в декоративные геометрические заставки других, более скромно декорированных литургических книг, таких, как «Газзā» и «Худрā» (XVII–XVIII вв.).

Научно-практическая значимость диссертации состоит в том, что она существенно обогащает знания о литературной и культурной жизни христианских общин Ближнего Востока и их культурном взаимодействии с окружающими мусульманскими общинами (арабскими, персидскими, турецкими) в течение нескольких столетий. Весьма важной представляется также практическая значимость диссертации как дидактического пособия по истории сирийской литературы и ближневосточных литератур в целом. Особенно ценными представляются приложения, содержащие и вводящие в научный оборот десятки ранее неизвестных литературных памятников. Эти тексты в будущем могут быть использованы в курсах по изучению сирийского языка и в семинарах по сирийской поэзии.

Апробация

Научные результаты, полученные в ходе работы над диссертацией, докладывались на международных конференциях и симпозиумах по изучению сирийской традиции, таких как Всемирный конгресс сирологов (*Symposium Syriacum*), Конгресс германских сирологов, Конгресс американских сирологов, Конгресс американских медиевистов, на многочисленных конференциях в СПбГУ, Государственном Эрмитаже, Институте восточных рукописей РАН и других российских и зарубежных научных институциях.

Кроме того, автор выступал с лекциями, излагающими основные положения исследования, на научных семинарах «Культуры Востока», проводимых в ИКВИА ВШЭ, а также в Университете Венеции, Университете Пизы, Университете Сейнт-Джон (Миннесота), Обществе культурного наследия ассирийцев (Чикаго).

Книга *The Wardā: An East Syriac Hymnological Collection* (полные данные см. в списке, помещенном в конце резюме), опубликованная автором в 2015 году по теме данного исследования, за истекшие пять лет стала часто цитируемым пособием не только по сирийской гимнографии, но и по истории сирийской литературы в целом. Научные положения книги, критическое издание текстов с комментариями используются в преподавании курсов сирийского языка и литературы в различных университетах мира. На книгу были опубликованы положительные рецензии Роберта Китчена¹ и Крэгга Моррисона².

По теме диссертации автором были также изданы многочисленные статьи в международных и отечественных периодических изданиях, в том числе, индексируемых в WoS и Scopus (см. список в конце настоящего резюме). Положения, изложенные в этих публикациях, нашли поддержку в работах

¹ Kitchen, R., [Review of: Pritula. A., *The Wardā* ...] // *Review of Biblical Literature*, August 2017.

² Morrison, C., [Review of: Pritula. A., *The Wardā* ...] // *Bibliotheca Orientalis*, LXXVII N° 3–4 (2020), pp. 363–366.

специалистов по истории сирийской литературы. В частности, основные текстологические и литературоведческие выводы, содержащиеся в публикациях автора по теме данной диссертации учтены в недавно вышедших справочных изданиях «The Syriac World» и «Gorgias Encyclopedic Dictionary of the Syriac Heritage», а также в последнем переиздании текста «Истории Йавалāхи и раббан Ṣаумы», осуществленном в 2020 году Пьером Джорджио Борбоне, с обстоятельным очерком и комментариями.

История вопроса

Возросший в последние годы интерес к литературе периода «Сирийского ренессанса» (XI–XIV вв.) был ознаменован публикациями таких известных сириологов как Г. Тойле, П. Дж. Борбоне, Х. Такахаси, Д. Вельтеке, М. Тамке, Д. Тейлор.

Истории, литературе и книжности восточносирийской Церкви османского периода посвящены работы Х. Мурре-ван ден Берг, которая явилась пионером в изучении и обобщении восточносирийского материала этой эпохи.

Фундаментальная монография Д. Вильмхурста об организации Церкви Востока, обобщившая данные, содержащиеся в сотнях рукописей, стала основным справочным изданием по истории восточносирийских церковных общин XIV – начала XX вв.

В работах Г. М. Кесселя исследованы восточносирийские рукописные коллекции, изучена история их формирования и бытования, а также идентифицировано множество ранее неизвестных рукописей и текстов.

Следует выделить также многочисленные публикации А. Менгоцци, основной темой которых была именно сирийская поэзия интересующего нас периода. Кроме того, отдельные поэтические тексты были изданы и изучены А. Баттсом, Н. Н. Селезнёвым, Х. Юнансардаруд, Т. Карлсоном, С. Расси, М. Ницаком.

Несмотря на появление интереса к сирийской поэзии позднего периода, большинство текстов оставались неизученными и неизданными. Во многом это объясняется обширностью корпуса текстов, созданных в эту эпоху вследствие возросшей популярности поэзии. Кроме того, многие произведения были неизвестны исследователям по причине недоступности большинства ближневосточных рукописных коллекций.

В данном исследовании предпринята попытка устранить, хотя бы отчасти, этот пробел, пользуясь информационными достижениями последних нескольких лет. Речь идет прежде всего о проекте HMML (Hill Museum and Manuscript Library, Миннесота, США) под руководством отца Колумбы Стюарта по оцифровке, каталогизации и онлайн загрузке рукописных собраний монастырей и церковных библиотек Ближнего Востока. Этот ресурс сделал доступными свыше 150 тысяч рукописей, в том числе на сирийском языке, и совершил настоящую революцию в изучении восточнокристианских литератур. Работы по онлайн каталогизации этих обширных коллекций, в которой приняли участие Эдам Макколлум, Григорий Кессель, Давид Кэлабро и многие другие, продолжаются до сих пор.

При столь малой изученности сирийской поэтики, особенно позднего периода, очень важными представляются достижения представителей близкой области – иранистики. Детальная разработка средневековой персидской поэтической традиции З. Н. Ворожейкиной, М. Л. Рейснер, Н. Ю. Чалисовой во многом послужила автору этого исследования образцом в плане методологии, а также источником для поиска аналогий. В текстологическом аспекте столь же основополагающими были работы О. Ф. Акимушкина.

Структура работы

Диссертация состоит из введения, четырех тематических глав, расположенных в хронологической последовательности и заключения, в

котором подводятся основные итоги исследования. Работа также содержит приложения, состоящие из сравнительных таблиц содержания рукописей гимнов (к гл. 1) и критических изданий сирийских поэтических текстов с переводом (к гл. 2–4). Список использованной литературы включает свыше восьмидесяти рукописей и более трехсот наименований публикаций.

Основное содержание работы

Во **введении** изложены: общая характеристика работы, пояснения к теме исследования, актуальность исследования, ее научная новизна, методология, цели и задачи, положения, выносимые на защиту, научно-практическая значимость, сведения об апробации, история вопроса.

Первая глава посвящена сборнику «Вардā», наиболее крупному собранию восточносирийских гимнов (‘*бнй̄тā*, мн. ч. ‘*бнй̄тā*), предназначенному для церковного исполнения в течение всего литургического года. Он включает в себя свыше 120 поэтических текстов, приписанных различным авторам. Согласно заголовкам в рукописях, авторство большинства из них принадлежит Гйваргйсу Варде (предположительно, XIII в.), именем которого и названа книга, и о биографии которого не сохранилось практически никаких сведений. Гимны этого сборника входили в обиход всей восточносирийской Церкви и потому сохранились во множестве списков и редакций; обычно общий объем списков составляет свыше двухсот листов recto-verso крупного формата.

Сначала в данной главе рассматриваются проблемы, связанные с текстуальной историей сборника.

Автором этого исследования была выполнена предварительная классификация всех существующих списков сборника «Вардā», выявлены основные его редакции и типы. Предпринята попытка реконструкции основных ступеней эволюции этого собрания текстов. В целом существующие списки можно разделить на две группы: они представляют

либо краткую, либо полную его редакцию. При этом списки полной редакции гораздо более многочисленны; они отличаются наличием гимнов, посвященных различным святым. Краткая редакция включает лишь гимны, посвященные праздникам, связанным с Иисусом Христом и Девой Марией, либо комментирующие отрывки из Евангелия, читаемые на литургии в соответствующий день. Из празднований памяти святых в рукописях этой редакции присутствуют только гимны в честь Св. Георгия, как наиболее почитаемого в Церкви Востока. При этом текстологически каждая из этих групп имеет свои чтения, являющиеся инвариантом для каждой из них.

Списки полной редакции сборника, составляющие большинство всех существующих, в свою очередь подразделяются на две подгруппы. Одна из них содержит приложение из нескольких гимнов (до 10–12 текстов), посвященных различным мученикам и основателям монастырей Месопотамии, жившим, главным образом, в сасанидский период. Кроме того, несколько гимнов в этом приложении посвящены патриархам Церкви Востока. На основании сравнительного анализа существующих списков можно гипотетически реконструировать текстуальную историю сборника «Вардā» следующим образом: некое ядро, состоящее из ограниченного корпуса *бнйт*, приписываемых Гйваргйсу Варде, было дополнено гимнами, необходимыми для структурирования сборника, предназначенного для всего лигургического года. Этот этап формирования корпуса произошел ранее 1483 года (дата выполнения самого раннего сохранившегося списка). Затем сборник дополнялся гимнами, посвященными различным святым. Эти тексты вводились в основной корпус сборника (по-видимому, в конце XV – начале XVI в.), очевидно, в связи с введением и распространением служб их памяти в восточносирийской Церкви в этот период. Далее, не позднее середины XVI в. к основному корпусу гимнов было добавлено еще приложение из нескольких гимнов.

Кроме Гйваргйса Варды, в качестве авторов гимнов в списках фигурирует ряд других церковных деятелей и литераторов, таких как католикос Элийā, митрополит Сўбха (Нисибина) (975–1046), Сабрйшō' бар Паулōс (втор. пол. XII в.), католикос Йабалāхā II (1190–1222), Шлēmōн Ахлатский (митрополит Басры) (пер. пол. XIII в.), Ҳаккйм из Бēt-Ҷашшā (XIII в.), архидьякон Мārй бар Мшйхāйā (XIII в.), Қāmйс бар Қардāхē (втор. пол. XIII в., см. гл. 2), священник Аскō (Исхак) Шбаднāйā (XIV в.), священник Слйбā (XVI в.). Авторство многих *бнйт* не указано вовсе.

Проблема выявления гимнов, составляющих первоначальное ядро сборника, и соответственно, реконструкция его архетипа, неразрывно связана с выявлением индивидуальных поэтических особенностей *бнйт*, входящих в сборник «Вардā» и их атрибуцией определенным авторам.

В результате исследования для всех гимнов сборника были впервые установлены метрические особенности, схемы рифмовки, наличие или отсутствие акростихов, а также их разновидности с учетом имен авторов, которым они приписываются в рукописях. Эти данные были сведены в специальные таблицы, приложенные к диссертации. Кроме того, были выявлены основные гласы (мелодико-ритмические модели, используемые для церковного пения), на которые должны были исполняться *бнйты* сборника. При этом метрический рисунок гимна находится в прямой зависимости от гласа. Гимны, приписываемые в рукописях Гйваргйсу Варде, написаны на мотив «*О, ты, чрево*», которые является наиболее популярным в рассматриваемом сборнике и самым простым с ритмической точки зрения. Язык песнопений обычно также отличается простотой. Введение и заключение такого гимна в большинстве случаев имеют чередование семи- и восьмисложных строк, основная часть гимна имеет строфическую структуру, где каждая строфа состоит из четырех строк с единой концевой рифмой, индивидуальной для каждой строфы. Некоторые из таких *бнйт* имеют акростих, другие – дополнительную общую концевую

сквозную рифму в последней строке каждой строфы, придающую таким образом тексту больше единства при помощи монорима.

Рассматриваемые гимны занимают важное место в общецерковном пении, актуальное также в современной Церкви Востока и определившее морфологию этих текстов. Введение и заключение рецитируется священником, в то время основная часть поется на соответствующий глас попеременно двумя хорами, включающими всех прихожан, причем в современной практике – по две строфы. Вероятно, способ исполнения нестрофических вводной и заключительной частей (рецитация священником) повлиял на степень их ритмической нерегулярности. Ритмика этих частей имеет большое количество отклонений и нерегулярных чередований. Метрика же основной части в гимнах, приписываемых Гйваргйсу Варде, весьма устойчива – строки насчитывают неизменно по семь слогов. Причем текстуальные расхождения в списках и редакциях обычно не искажают эту ритмическую основу.

Гимны сборника исполнялись на особой части вечерней службы (в дни *Моления ниневитян* и на основные праздники), либо на литургии после чтения Евангелия (все воскресные дни года). В заголовке каждого гимна в рукописях имеется также точное указание, на какой службе и по какому случаю его следует исполнять, включая название праздника или дня в церковном календаре. Как предположил еще А. Баумштарк, поэтическая форма *бнйты* исторически связана с *сбйгйтой* – традиционной для сирийской литературы строфической диалоговой поэтической формой, также исполняемой в церквях антифонными хорами построфно. Многочисленные стихотворения, написанные в этой форме, создававшиеся в сирийской традиции, главным образом, в IV–VII веках, явились результатом долгой эволюции более ранних ближневосточных литератур, и, в свою очередь, повлияли на развитие других литератур этого региона, таких как арабская и персидская. *бнйты* представляют значительно более поздний этап развития

сирийской поэзии, когда в результате многовекового соприкосновения с мусульманскими литературами регулярная рифмовка становится неотъемлемой ее частью. Эта категория гимнов охватывает не только собственно гимнографическую сферу, некогда занимаемую *сб̄гйт̄ой*, но также часто содержит нарратив, который ранее был особенностью исключительно нестрофической поэтической формы *м̄мр̄а* (гомилия). В повествовательных *б̄нйт̄ах* обычно отсутствует алфавитный акростих, ранее бывший важной частью сирийской строфической поэзии. Это явление может быть также связано с распространением регулярной рифмы (индивидуальной в каждой строфе), которая стала в *б̄нйт̄ах* средством формального объединения строфы – функция, которую ранее выполнял акростих. Такое расширение содержания и сферы применения данной формы говорит о ее большой популярности.

Автору этого исследования удалось обнаружить в различных *б̄нйт̄ах* изложение гомилий Нарсая (V в.) а также отдельных разделов «Книги пчелы» Шл̄м̄бна Ахлатского (пер. пол. XIII в.), кроме того в текстах присутствуют заимствования из новозаветных апокрифов и преданий, распространенных в восточносирийской традиции. В частности, один из гимнов на Рождество содержит детальное изложение одной из версий «Евангелия детства», несохранившегося в восточносирийской версии в прозе. Зачастую пересказ весьма близок к тексту использованных источников.

Основной целью создания сборника «Вард̄а» можно, таким образом, считать поэтическое переложение основ восточносирийской церковной традиции в доступной широкому кругу прихожан форме и создание корпуса текстов, пригодных для хорового исполнения в течение всего церковного года. Иными словами, он может быть охарактеризован как поэтическая популяризация церковной традиции и ее актуализация путем

общецерковного пения. При создании сборника учитывались поэтические тенденции того периода.

Особое место в рассматриваемом корпусе песнопений занимает цикл *Моления ниневитян*, службы трехдневного поста, совершаемого восточносирийской Церковью за две недели до Великого поста. Церковная традиция возводит происхождение этой традиции к Месопотамии эпохи Сасанидов, когда при католикосе Иезекииле (557–577) было учреждено специальное моление для избавления населения этого региона от грозившей ему эпидемии чумы. В течение трех дней на вечерней службе по частям читается «Книга Ионы», комментарии на нее, а также гимны, излагающие библейский нарратив в поэтической форме. Акцент делается на истории проповеди пророка в Ниневии, то есть в северной Месопотамии и на избавлении ее жителей от катастрофы посредством покаяния. В эпоху средневековья этот регион являлся основным центром Церкви Востока, поэтому в содержательной программе цикла параллели библейского текста с современностью были очевидными.

В качестве поэтической части этого цикла использовались (и поныне используются) *бнйты* из книги «Вардā», написанные для *Моления ниневитян*, как следует из заголовков этих текстов, и составляющие в сборнике наиболее многочисленную группу. Часть их является поэтическим парафразом «Книги Ионы» и других книг Ветхого Завета, содержащих описание катастроф. Множество гимнов повествуют о различных бедствиях, таких как иноземные нашествия, голод, эпидемии, засуха. Зачастую они имеют сходную композицию: центральная часть текста представляет собой описание напастей, а заключение содержит апологетическую часть и моление об избавлении от бедствия. Описываемые трагические события датируются 20-ми – 30-ми годами XIII в., что совпадает с первой волной монгольских набегов на Ближний и Средний Восток. Поскольку из всех гимнов, приписываемых Гйваргйсу Варде, лишь

эта часть имеет точную хронологическую привязку, можно предположить, что литератор жил именно в этот период, если он являлся реальной личностью. Дело в том, что это едва ли не единственный случай в сирийской церковной литературе, когда об авторе крупной группы текстов не сохранилось практически никаких сведений.

Некоторые гимны, включенные в этот раздел сборника, обнаруживаются лишь в малой части списков. Очевидно, они были добавлены в него позднее и не относятся к основному корпусу «Варды». Нередко эти тексты содержат ценные исторические сведения о различных бедствиях, изложенные в эпической форме. Таков, например, гимн о захвате Тифлиса в 1225 году войсками Джалāl ад-Дīна из династии Хорезмшахов, подробно рассмотренный в диссертации. По-видимому, цикл *Моления ниневитян* вызывал большой интерес у церковных литераторов, стимулируя их к поэтическому описанию событий, современных им.

В целом, сборник «Вардā» является памятником, традиционным для сирийской церковной книжности, он предназначен для церковного исполнения и построен по календарному принципу. Его сложение и эволюция, в которую внесли вклад многие книжники, продолжалась в течение нескольких столетий. На основании сравнительного анализа существующих списков гипотетически выделены основные этапы этой эволюции.

В то же время, с поэтической точки зрения в гимнах-*бнйтах* этого сборника учтены достижения мусульманской (арабской и персидской) литературы, например, регулярная рифмовка.

Вторая глава посвящена дальнейшему этапу эволюции восточносирийской поэзии во второй половине XIII – начале XIV вв.; исключительное важное место в ней занимает «Книга Қāmйса», которая преимущественно и является объектом исследования в этой части диссертации.

В этой главе анализируется феномен перехода сирийской поэзии в необычную для нее сферу: формирование литературного круга, связанного с царским двором. Хотя этот феномен был довольно кратковременным (втор. пол. XIII в.), он привел к значительным изменениям в области стихосложения. Этот скачок был вызван падением столицы аббасидского халифата Багдада в 1258 г. и установлением монгольской династии Хулагуидов (Ильханов) (1256–1335) на территории Ирака и Ирана. Основатель династии хан Хулагу (1217–1265) и его ближайшие преемники, многие из которых были женаты на христианках, симпатизировали этой религии и поддерживали хорошие отношения с иерархами различных Церквей.

Ключевой фигурой этого периода сирийской литературы, несомненно, является выдающийся западносирийский энциклопедист Григорий (Григориус) бар 'Эбрйб (ар. Ибн ал-'Ибрй; 1226–1286), который проявил себя во всех областях средневекового знания: богословии, философии, истории, астрономии, этике, а также в поэзии. Существенно, что эта последняя часть его наследия остается почти неизученной, так как долгое время считалась наименее значимой. Возможно, одной из причин этого является его попытка использования поэтических мотивов, приемов и форм, выработанных в литературе мусульманского окружения (таких как четверостишия (*рубā'ī*), чрезвычайно популярные в персидской поэзии), и адаптации их к сирийской поэтической традиции.

В 1264 году Григорий был назначен *мафрианом*, главой западносирийской («яковитской») Церкви к востоку от Евфрата: в Ираке и Иране. Эта должность и исторические события, свидетелем которых он стал, во многом определили характер его произведений. Хотя главной резиденцией Григория был монастырь Мар Маттая недалеко от Мосула, ему часто приходилось посещать Табриз и Марагу, резиденции монархов нового государства Ильханов. Сохранились сведения, что сирийский

энциклопедист владел не только арабским, но и персидским языком, он активно использовал персоязычные источники в своих трудах. Энциклопедист имел возможность общаться с видными мусульманскими учеными, собравшимися при дворе. Эти контакты нашли отражение и в его стихотворных произведениях.

В исторической хронике Бар 'Эбрōйб и других источниках этого периода сохранились свидетельства об организации по приказу ханов и их жен церковных служб, на которых присутствовали иерархи и священники христианских Церквей.

В восточносирийской традиции заслуга разработки нового поэтического стиля принадлежит Қамйсу бар Қардāхē. Несмотря на то, что этого литератора по праву можно считать одним из самых оригинальных поэтов сирийской литературы, до последних лет о нем почти ничего не было известно. Время жизни Қамйса было впервые установлено в статье Дэвида Тейлора, посвященной «винным» стихотворениям этого поэта, которые сам автор относил к форме *сбйгтā*. Участие христианского поэта в ханских праздниках и церемониях, о чем упоминается в его произведении, свидетельствует о том, что этот текст был написан до принятия ислама Газан-ханом в 1295 году. Таким образом, поэт был современником 'Абдйшб' бар Брйқā (ум. 1318), знаменитого восточносирийского теолога и литератора, также жившего в эпоху монголов. Қамйс жил в Арбеле (сев. Ирак), очевидно, был священнослужителем, и являлся представителем литературного круга этого важного центра культурной жизни восточносирийской общины эпохи Ильханов.

В последние годы интерес к этому автору возрос, и появилось несколько статей о его произведениях. Это, в первую очередь, публикации А. Менгоцци. В одной из них сделан обзор поэтического наследия Қамйса с учётом всех доступных исследователю рукописей. Ученый классифицирует их и обсуждает разделы сборника, а также его списки, дошедшие до нас. Две

другие статьи Менгоцци исследуют четверостишия *Қамйса*, по содержанию и используемым топосам весьма близкие к персидским *рубā'ī*. Кроме того, статья содержит издание и перевод двуязычного, сиро-персидского лирического стихотворения, демонстрирующего стилизацию под персидскую газель.

«Книга *Қамйса*» структурно сходна с персидскими поэтическими диванами, где разнообразные стихи одного автора сгруппированы в разделы согласно их форме. Одной из целей таких сборников является демонстрация универсальности и разносторонности таланта автора. Книга открывается разделом гимнов-*бнйт*, за которым следуют несторофические стихотворения *мёмрā*. Раздел *бнйт* не охватывает весь литургический год, поскольку «Книга *Қамйса*» – авторский поэтический сборник, в котором литургические гимны занимают лишь один из разделов.

Автор, по-видимому, будучи незаурядным поэтом-экспериментатором, переосмыслил понимание традиционных форм сирийской поэзии, серьезно трансформировав их с точки зрения содержания и поэтической техники. Заимствовав достижения арабской и персидской литературы, он сохранил традиционные сирийские названия форм.

Так, *мёмры* и *тургāмы* в «диване» *Қамйса* можно считать сирийским эквивалентом касыды, а *сбгйт* – газели. Новая для сирийской литературы форма четверостиший (*тар'ē*), представленная в сборнике – *рубā'ī* персидской традиции. Таким образом, «Книга *Қамйса*» сильно отличается от сборника «Вардā» (см. главу 1) задачами и принципами составления. Составители последнего, по-видимому, стремились создать единый корпус гимнов на весь литургический год. В этом отношении «Книгу *Қамйса*» можно считать инновационной для восточносирийской поэтической традиции, поскольку она является первым и единственным известным нам авторским сборником стихов различных форм, то есть «диваном».

В целом в стихах Қамйса можно выделить два направления:

- а) литургические гимны *бнйты*, предназначенные для общецерковного пения, где он следует за Вардой, сохраняя простоту и ясность языка;
- б) элитарные стихи, составленные под сильным влиянием персидской поэзии, где он использует сложные ритмические схемы и поэтические фигуры. Первые были написаны для церковного пения и должны были быть понятны всем прихожанам, в то время как вторые были адресованы образованной церковной элите, такой как сам автор или его современник, западносирийский мафриан Бар 'Эбрйб. Два этих выдающихся литератора состояли в переписке и, очевидно, были знакомы лично. По-видимому, поэтические творения мафриана оказали сильное влияние на произведения поэта из Арбелы. Автору этого исследования удалось обнаружить и исследовать две раннее неизвестные оды Қамйса, посвященные Бар 'Эбрйб. Одна из них имеет два акростиха (начальный и конечный), в которых выражается пожелание долголетия Григорию. В заголовке сообщается, что она посвящена «мафриану», таким образом, идентификация адресата панегирика не вызывает сомнений.

Второе стихотворение, озаглавленное как *мёмрā*, не имеет прямого указания на посвящение западносирийскому энциклопедисту. Лишь в самом конце содержится упоминание «двух Григориев», одному из которых автор желает упокоения, а второму – долголетия и благополучия. Личности обоих легко поддаются идентификации. Первый Григорий – знаменитый западносирийский энциклопедист, а второй – его брат Григорий бар Саумā, занявший пост мафриана после смерти брата. Первая строка текста содержит намек на это, сообщая, что «на место Моисея, сына Аарона, на трон Иисусов заступил его брат на полном основании». Здесь обыгрывается тот факт, что адресаты панегирика были сыновьями врача по имени Аарон. Таким образом, стихотворение было написано уже после смерти западносирийского энциклопедиста в 1286 году. Оба текста наполнены

восхвалениями мудрости, благочестия, широкой эрудиции адресата, а также его достоинств как церковного иерарха.

Подобные поэтические произведения являлись нововведением в сирийской литературе, прототипом которых, очевидно, послужила касыда-панегирик (*мадх*), распространенная в арабской и персидской литературе. Кроме того, рассмотренные стихотворения отражают важную особенность периода династии Ильханов, когда заметно усилились контакты между сирийскими Церквями двух конфессий. Это явление отчасти связано с тем, что их представители должны были коммуницировать друг с другом при ханском дворе, в результате чего можно говорить об общем сирийском интеллектуальном круге этой эпохи, принимавшем активное участие в создании нового поэтического стиля.

Одно из стихотворений Қәмйса, включенное в раздел *сбҕйт*, представляет собой пример «винной» лирики, где поэт восхваляет опьяняющие и освящающие свойства вина, при этом из контекста становится ясным, что речь идет не об обычном пире, а таинстве евхаристии, в котором по христианскому вероучению преподносится кровь Христа. Это произведение впервые было частично издано в статье Дэвида Тейлора, который отметил в нем влияние арабской «винной» поэзии. Однако очевидно, что стихотворение является сирийским христианским аналогом персидской мистической «винной» газели, достигшей расцвета именно в XIII в. Сирийский поэт использует характерный для газели прием – *тахаллуҫ* (введение автором своего имени в заключительную часть стихотворения). Упомянув свое имя, он сообщает, что сочинил эту *сбҕйту* на горе Ālā-Tāq, развлекая монголов. Можно предположить, что автор, будучи священнослужителем, участвовал в богослужении, устроенном на этой горе – в летней ставке Ильханов, где и сочинил стихотворение по их просьбе. Большинство списков этого произведения содержат в одной из строк славословие безымянному патриарху («Владыка такой-то, славный

отец, патриарх Востока ...»)), так текст и был воспроизведен в статье Тейлора. Однако две наиболее ранние рукописи (которые мы учли при издании этого текста) сообщают имя патриарха: Владыка Денх̄ā. Это – еще один из распространенных в персидской газели приемов: указание имени патрона. Патриарх Денх̄ā I (1265–1281), который, по-видимому, упоминается в тексте, был ранее монахом в монастыре Бēt-Қōқā, рядом с Арбелой, а впоследствии стал митрополитом этого города. Вероятно, он был лично знаком со своим земляком Қāmйсом, которого взял с собой на церемонию в монгольской резиденции.

Другой важный текст, также иллюстрирующий религиозную и литературную жизнь эпохи Ильханов – двуязычное строфическое произведение, написанное по-сирийски и по-тюркски, было впервые изучено и опубликовано автором этого исследования. Оно состоит из четверостиший, посвященных основным праздникам Церкви Востока, каждое из которых представлено как по-сирийски, так и в тюркском переводе. Текст существует во множестве списков и приписывается Қāmйсу. Вероятно, этот текст предназначался для церковного исполнения с участием как сирязычных христиан, так и тюрок, игравших важную роль при дворе Ильханов. Он состоит из стандартных для сирийской поэзии строф-четверостиший, объединенных рефреном. Тем не менее остается не вполне понятным, как именно они должны были исполняться: как отдельные четверостишия-тропари во время каждого праздника или же как единый строфический текст. Возможно, что это произведение имеет некую двухуровневую организацию, что в целом характерно для сирийской поэзии этого периода.

Еще одно ранее неизвестное произведение Қāmйса, рассмотренное в ходе исследования, также помещено в разделе *сб̄гйт*. Оно представляет собой диалог человека и птицы-горлицы. Как отмечено в рукописных заголовках, горлица символизирует человеческую душу, покидающую тело. Это

произведение представляет собой оригинальную трансформацию традиционной для сирийской литературы диалоговой поэмы – *сб̄гйт̄ы*. Один из сюжетов таких поэм – диалог души и тела. Однако в стихотворении *Қамйса* этот мотив выражен не напрямую, а посредством аллегии, по-видимому, заимствованной из мусульманской традиции. Птица как символ человеческой души – весьма популярный образ как в философских, так и в поэтических произведениях, например, в знаменитой суфийской поэме «Мант̄иқ ат̄-тайр» («Беседа птиц») Фарй̄д ад-Дйна 'Ат̄т̄ара (кон. XII – XIII вв.). В сирийской поэзии этот образ был впервые использован Бар Мада'нй̄ (ум. 1263), переработавший этот мотив и сочинивший христианскую мистическую поэму.

В традиционной сирийской диалоговой строфической поэме-*сб̄гйт̄е* реплики персонажей чередуются регулярно (обычно по одной строфе) и имеют четкое обозначение. В произведении же *Қамйса* диалоговая структура внешне незаметна, отсутствуют обозначения реплик и их регулярная смена, при этом каждая строфа имеет свою индивидуальную рифмовку.

Догадаться о смене говорящего можно лишь по изменению грамматического рода в обращении: в репликах, адресованных телом к душе (горлице) местоимения и глаголы стоят в женском роде, в ответе души телу род меняется на мужской, что соответствует грамматическому роду слов **نفس** «душа» (ж.р.) и **جسد** «тело» (м.р.) в сирийском языке. Вероятно, автор умышленно сделал структуру этого стихотворения менее очевидной, предоставив образованным знатокам словесности самим ее распознать, и, таким образом, дистанцировавшись от традиционной сирийской *сб̄гйт̄ы*. В целом, это произведение, как и другие стихотворения *Қамйса*, представляет собой образец адаптации традиционной сирийской поэтической формы ко вкусам современной поэту образованной элиты.

Таким образом, сборник «Книга Қамйса» представляет собой уникальный памятник сирийской поэзии эпохи Ильханов. Инновации в содержании и форме, отраженные в нем, по-видимому, были вызваны изменениями политической ситуации, когда сироразычные поэты впервые приблизились к царскому двору. Несмотря на явное влияние поэтической традиции мусульманского окружения, стихотворные формы, используемые Қамйсом, основаны на многовековой сирийской традиции и сохраняют свою самобытность. Например, все *сбгйты* сборника, несмотря на явное влияние персидских газелей, сохраняют традиционную для этой формы строфическую структуру.

Развитие строфических стихотворений осуществляли и западносирийские современники Қамйса, однако введение в них винной тематики под влиянием персидских мистических газелей, по-видимому, является индивидуальной особенностью его творчества. В западносирийской традиции, в том числе в наследии его современника Бар 'Эбрййб, эта особенность не прослеживается.

В **третьей главе** рассматривается этап следующего подъема сирийской книжности и словесности, наступивший в эпоху Османской империи после почти двух столетий упадка.

В этой части диссертации анализируется поэтическое наследие 'Абдйшб' Газартского (ум. 1570), основателя литературной традиции Халдейской (восточносирийской униатской) Церкви. Будучи весьма плодовитым поэтом, этот церковный деятель оставил обширное наследие, которое тем не менее оставалось почти полностью не исследованным и не изданным.

Исключение составляет поэтическая трилогия этого автора, которая была издана Ж.-М. Восте во французском переводе в 1931 году (без оригинального текста), посвященная истории основания Халдейской Церкви. Первая поэма трилогии повествует о провозглашении в 1552 году патриархом восточносирийской Церкви Йбханнана Суллақа. Это

произошло в результате возмущения части епископов, вызванного бесчинствами патриарха Шем'бна бар Мāмы. Далее поэт детально описывает путешествие Йб̄ханнāна в Италию, посещение многочисленных католических церквей и монастырей, а также встречу с папой римским, который утвердил его в качестве патриарха Халдейской Церкви. Вторая поэма содержит описание возвращения иерарха новой Церкви в Ирак, входивший в Османскую империю, а также повествует о доносе представителей традиционной линии восточносирийской («несторианской») Церкви на Йб̄ханнāна, его аресте и казни османскими властями. Заключительная часть трилогии представляет собой траурный гимн (*мадрāшā*) в честь убиенного патриарха, которого адепты стали почитать как мученика.

Йб̄ханнāн Суллāқā назначил 'Абдйшб' епископом Газарты, по-видимому, родного города последнего. После гибели первого патриарха новой Церкви в 1555 году 'Абдйшб' был избран на его место. Однако это звание было официально подтверждено папой лишь в 1562 году во время его визита в Рим. Патриарх избрал своей резиденцией монастырь Якова Заточенного близ Сиирта (Ис'ирд), где и пребывал, по-видимому, до своей кончины в 1570 году.

Рукописи, выполненные рукой 'Абдйшб' Газартского, выявленные автором этого исследования, содержат важную биографическую информацию о переписчике. В частности, в колофонах сообщается, что несмотря на титул епископа Газарты, остававшейся под контролем традиционалистской («несторианской») церковной линии, его резиденцией была келья, находившаяся в церкви Мар Петиона, в Амиде (Дийарбакире). По-видимому, он много путешествовал и поддерживал контакты с монахами западносирийской («яковитской», Сирийской Православной) Церкви, которые помогали ему в работе над копией «Метрической грамматики» Бар 'Эбрйб' в Мардине. Такое тесное общение между

сирийскими Церквями двух конфессий продолжало тенденции, возникшие в период «Сирийского ренессанса» (см. гл. 2).

Многочисленные, ранее не изученные произведения ‘Абдйшб’ Газартского содержатся в различных церковных книгах, например, «Книге *тургām*» (гимнов, исполняемых на литургии перед чтением Евангелия). Кроме того, они включены в различные поэтические сборники, а также в автографы этого поэта.

С точки зрения формы ‘Абдйшб’ Газартский следует канонам, выработанным поэтами во второй половине XIII – начале XIV века, такими выдающимися восточносирийскими литераторами, как Қāmйс бар Қардāхē и ‘Абдйшб’ бар Брйқā. Сохранилось множество его четверостиший, шестистиший, а также строфических и нестрофических стихотворений различной длины. В целом литературное наследие ‘Абдйшб’ Газартского можно охарактеризовать как развитие поэтических моделей, созданных в эпоху «Сирийского ренессанса» и использование их в новом историко-культурном контексте.

Несколько произведений этого автора посвящено римским папам, его современникам. Одно из этих стихотворений представляет собой панегирик Павлу IV (1555–1559), озаглавленный как *тургāmā*. Оно полностью следует стандартам, присущим этой форме с конца XIII века: монорим, написанный двенадцатисложным размером, с алфавитным акростихом. Эта ода, посланная автором в Рим в 1556 году, по-видимому, посвящалась восшествию Павла IV на папский престол за год до этого.

Несколько других, более коротких стихотворений, были посвящены другим папам: Юлию III (1550–1555), Пию IV (1559–1565) или Пию V (1566–1572). Одно из них состоит из трех строф-четверостиший, остальные представляют собой своеобразные палиндромы из четырех-шести строк, читаемые и по вертикали, и по горизонтали. Один из них – шестистрочник, посвященный Пию V, при вертикальном и горизонтальном прочтении

образует неизменный текст – молитву о благополучии и долголетию понтифика.

Более сотни стихотворных произведений ‘Абдйшб’ Газартского содержится в уникальной рукописи в библиотеке Халдейского собора в Мардине (ССМ 000398, ранее: Diyarbakir 95), переписанной в 1583 году. Наряду с множеством различных текстов других авторов этот обширный манускрипт содержит большую подборку стихов ‘Абдйшб’, сочиненных им, по-видимому, в молодости, и не представленных в других списках. Рукопись была выполнена в монастыре Иоанна Крестителя близ Газарты, в котором литератор провел много лет в качестве монаха до посвящения в епископы; можно предположить, что там сохранились его поэтические тетради, которые и легли в основу этой подборки.

Некоторые стихи, вероятно, сочиненные поэтом в ранние годы, посвящены его современникам, в том числе, литераторам, с которыми он, находился в коммуникации. Среди них – траурная элегия на смерть Абрāхама из Бет-Слоқа (Киркукского), известного духовного поэта этого периода. Из стихотворения следует, что автор считал покойного важным духовным авторитетом и своим наставником. Этот литератор был монахом в монастыре Мар Авгена на горе Изла, близ Нисибина в начале XVI века. В различных поэтических сборниках встречается множество его стихотворных произведений различных форм (прежде всего, четверостиший) на духовные темы.

В мардинской рукописи (ССМ 000398) содержатся также четверостишия, сочиненные ‘Абдйшб’ на освящение церковных облачений обители Мар Авгена, в которых упомянуто имя Абрāхама, личность которого нетрудно идентифицировать. Одно из этих стихотворений, посвященное церковному поясу, датировано 1543/4 годом. Очевидно, два монашествующих литератора находились в контакте.

Еще один современник, которому 'Абдйшб' посвятил стихотворение – некий известный литератор, слава и литературные таланты которого восхваляются в этом панегирике. В рефрене сообщается, что адресат – дядя поэта по материнской линии. Акростих, который содержится в произведении, образует имя адресата: «Дарвйш». Можно предположить, что речь идет о Дарвйше Газартском, земляке и современнике 'Абдйшб', священнике, известном поэте и переписчике рукописей, от которого сохранились стихотворные произведения, а также манускрипты, переписанные его рукой, датированные первой половиной XVI века.

Рассмотренные поэтические произведения 'Абдйшб' Газартского из монастырской антологии помогают реконструировать литературную и духовную жизнь восточносирийской церковной элиты начала османского периода, воссоздать взаимоотношения поэтов, входящих в ее литературный круг.

Большое число стихотворных текстов, написанных 'Абдйшб', сохранились в его рукописных автографах. Нам удалось идентифицировать три манускрипта, переписанных книжником в разные годы (в интервале между 1552 и 1567 гг.), как следует из колофонов. Часть их была выполнена переписчиком для собственного пользования, и, по меньшей мере, один – для священника его Церкви. Вероятно, сохранилась лишь малая часть рукописной продукции этого иерарха, который, по-видимому, подобно другим сирийским церковникам, считал одной из своих обязанностей авторизованное распространение церковных книг. В таких манускриптах стихотворения обычно располагаются на переплетных листах или между основными текстами (богослужебного, теологического или канонического содержания).

Изучение поэтических автографов имеет ряд особенностей и ставит определенные вопросы, в том числе методологического характера. Десятки стихотворений, вписанных рукой 'Абдйшб' (которая теперь легко

опознаваема) в копированные им манускрипты церковных книг, не имеют указания авторства, поскольку для переписчика оно было очевидным. По-видимому, для изучения этих произведений необходимо учитывать, для кого выполнялась рукопись. В случае, если она была изготовлена для другого церковника, то переписчик, вероятно, считал нужным снабжать стихотворения заголовками. Например, в манускрипте, выполненном для настоятеля монастыря Якова Заточенного (близ Сиирта) (SMMJ 119, ныне в библиотеке Греческого патриархата в Иерусалиме), над некоторыми стихотворениями рукой 'Абдйшб' Газартского было указано авторство («писца» или же «немощного писца»). Однако в большинстве случаев стихотворения остаются анонимными, что ставит вопрос о том, какими принципами руководствовался переписчик, составляя атрибутирующие заголовки. Не вполне понятно, означает ли это, что прочие стихотворения были сочинены другими авторами. Вероятнее всего, 'Абдйшб' сочетал стихи собственного сочинения с текстами других авторов, составляя по своему вкусу подборку для будущего владельца книги. Многие стихотворения, включенные в нее, не известны по другим рукописям.

Множество кратких поэтических текстов (главным образом, четверостиший), написанных рукой 'Абдйшб' Газартского, размещены на переплетных листах выполненного им списка «Метрической грамматики» Бар 'Эбрййб (DCA 65, ныне в собрании Халдейской церкви Алкоша).

Все поэтические тексты анонимны, что может быть объяснено предположением, что переписчик выполнил список для своего личного пользования и не нуждался в каких-либо пояснениях. По содержанию эти стихотворения перекликаются с основным текстом рукописи: они описывают пользу изучения грамматики, чтения книг и важность знаний для различных сфер жизни. В результате рассмотрения этих произведений, часть их удалось обнаружить в поэтическом сборнике Бар 'Эбрййб, несколько других – в «диване» Кāmйса (см. гл. 2), некоторые же больше

нигде не были обнаружены. Можно предположить, что они были сочинены самим переписчиком на заданную тему в дополнение к стихотворениям знаменитых поэтов прошлого. По-видимому, сходным образом создавались, распространялись и разрастались краткие стихотворные тематические сборники и антологии, популярные в восточносирийской книжности рассматриваемого периода.

Четвертая глава диссертации посвящена анализу обширной, ранее неисследованной группы поэтических текстов, связанных с оформлением и бытованием манускриптов. Эти краткие произведения, создававшиеся писцами, дарителями, владельцами и читателями, получили широкое распространение в восточносирийской книжности османского времени. Наиболее вероятная причина широкого распространения такой поэзии, включенной в «паратекстуальные» рукописные части, состоит в том, что в указанный период церковные иерархи часто были одновременно поэтами и авторизованными переписчиками церковных книг. Нередко они переписывали их специально для настоятелей монастырей и церквей, вводя поэтические писцовые тексты в канон оформления церковных книг. Постепенно такие стихотворные вкрапления в богослужебные книги получают широкое распространение. На материале просмотренных рукописей из ближневосточных и европейских библиотек автором этого исследования была предпринята попытка установить общую типологию этих текстов, их корреляцию с типами манускриптов, где они встречаются, а также определить основные этапы эволюции и распространения.

Рассматриваемые восточносирийские писцовые стихотворные тексты можно разделить на следующие основные группы: 1) версифицированные «паратекстуальные» части (поэтические введения к основному тексту рукописи, а также стихотворные колофоны); 2) стихотворные тексты, инкорпорированные в декор рукописей; 3) поэтические писцовые заметки на переплетных листах.

Появление стихотворных «паратекстуальных» частей отмечается, начиная с середины XVI века, в период общего подъема рукописной продукции после предшествующего века упадка, связанного с уничтожением Тимуром восточносирийских церквей в конце XIV века. Стихотворные введения появляются, по крайней мере, в списках богослужебных книг «Худрā» и «Газзā» – двух основных литургических книгах этого периода. Причем, текст введения для обеих книг в значительной степени совпадает. Различаются лишь строки, сообщающие о назначении соответствующей книги. В целом этот текст содержит славословие Богу, описание книги и ее особенностей, и заканчивается обращением к читателям с просьбой о молитве за писца.

Поэтические колофоны, обнаруженные в рукописях, начиная с этого же периода, можно в свою очередь разделить на две подгруппы: а) полностью версифицированные, б) содержащие поэтические вкрапления (чаще всего – четверостишия) в прозаический колофон.

По-видимому, книжники города Газарта, такие как ‘Абдйшб’ Газартский, Дарвйш Газартский и ‘Атṭайā Газартский (см. гл. 3), одними из первых стали активно вводить в канон церковных манускриптов стихотворные части. Таким образом становится очевидным, что этот город в XV веке был не только важным центром литературной жизни, но и одним из законодателей канона оформления церковной книги.

Однако на основании имеющихся данных можно предположить, что в целом эта традиция возникла еще в эпоху «Сирийского ренессанса», точнее во второй половине XIII – начале XIV в. Именно в этот период церковные иерархи становятся поэтами (см. гл. 2) и авторитетными переписчиками церковных книг. К их числу относится ‘Абдйшб’ бар Брйқā (ум. 1318), один из выдающихся поэтов-экспериментаторов этой эпохи. Очевидно, как его стихи, так и манускрипты, переписанные его рукой, служили моделью для подражания книжников более позднего периода. Например, ‘Атṭайā

Газартский, в нескольких рукописях, выполненных им, указал, что он использовал в качестве протографа манускрипты, написанные рукой 'Абдйшб' бар Брйқа. Кроме того, сохранились заметки 'Абдйшб' Газартского, о том, какие рукописи, переписанные его выдающимся тезкой он видел, что свидетельствует об особом интересе к его продукции. Недавно Г. М. Кесселю удалось установить, что знаменитый лекционарий, хранящийся в библиотеке церкви Кармлеша (сев. Ирак), был выполнен рукой 'Абдйшб' бар Брйқа. Этот список содержит поэтический колофон, состоящий из строф-четверостиший. Очевидно поэтические и каллиграфические достижения выдающегося книжника оказали влияние на писцовую продукцию последующих поколений.

Однако это воздействие не ограничивается подражанием наследию одного видного церковника. Сохранился список стихотворного сборника Қамйса (см. гл. 2), выполненного рукой 'Аттайа Газартского. В его основном тексте, как и в других списках этого «дивана», присутствуют четверостишия, написанные для использования писцом, очевидно, в рукописных колофонах. Авторство Қамйса не вызывает сомнений, поскольку поэт упоминает в них свое имя, как это часто бывает в писцовой поэзии. Эти четверостишия в сборнике следуют друг за другом так, что не вполне понятно, являются ли они отдельными текстами, или же строфами строфического стихотворения.

Скорее всего, корректно говорить в целом о влиянии стиля и тенденций эпохи «Сирийского ренессанса» на развитие этой книжности в последующие века, включая особенности оформления рукописей.

Вероятно, разные поэты-церковники-переписчики отдавали предпочтение различным поэтическим формам. Так 'Аттайа Газартский активно инкорпировал четверостишия в прозаический текст колофона, вероятно, отчасти под влиянием наследия Қамйса, в то время как 'Абдйшб'

Газартский предпочитал полностью версифицированные колофоны, подражая своему знаменитому тезке.

Многие части колофона, которые изначально были составлены в прозе, позднее были изложены в стихах. В качестве примера в этой главе также рассматривается пассаж, содержащийся в колофонах, и представляющий собой топос о «пяти братьях-близнецах, тащивших тростник из леса через белое поле, сея слово Божие». Речь идет, очевидно, о пяти пальцах писца, державших стило (пишущую трость) при переписке священной книги на белых листах бумаги. Смысл пассажа – молитва о том, чтобы труд писца был вознагражден. На примере множества датированных рукописей можно проследить развитие этого топоса. Первоначально (в VIII–IX вв.), когда сирийские манускрипты еще писались пером на пергамене, в пассаже говорилось о «птичьем пере» которое пятеро братьев-близнецов несут через «поле животных» (т.е. пастбище), что подразумевает листы пергамена. Позднее, вероятно, в XII–XIII вв., этот топос был адаптирован к изменениям техники производства рукописей. Затем через какое-то время (не позднее середины XVI в.) пассаж о пяти братьях-близнецах появляется в рукописных колофонах уже в виде инкорпорированного четверостишия. Причем таких поэтических переложений существует, по меньшей мере, два. Приведенный пример иллюстрирует возрастающую популярность поэзии в восточносирийской книжной традиции османского времени.

Четверостишия, посвященные труду переписчика, часто включались в различные поэтические антологии и сборники. Первый пример такой поэзии сохранился в сборнике стихотворений Йўханнўна бар Ма'данї (ум. 1263), выдающегося поэта эпохи «Сирийского ренессанса». По характеру подобные четверостишия можно разделить на дидактические (наставления и мысли о труде писца) и содержащие молитву о переписчике. Последняя группа используется также при оформлении манускриптов, в «паратекстуальных» писцовых частях, что было рассмотрено выше. Вопрос,

какая форма бытования таких четверостиший: антологии или «паратекстуальные» части манускриптов, является весьма сложным. По-видимому, обе эти формы существовали параллельно, нередко пересекаясь, когда понравившиеся тексты из антологии могли переноситься писцами в «паратекстуальные» части копируемых ими рукописей; иногда движение могло происходить и в противоположном направлении.

Пожалуй, единственная группа писцовых поэтических текстов, возникшая уже в османское время, – короткие стихотворения (обычно – четверостишия), вписанные в элементы декора: миниатюры и декоративные заставки. На данный момент неизвестны восточносирийские миниатюры, созданные ранее XVI в. Более ранние иллюстрированные рукописи, обычно Евангелиарии (евангельские лекционари), были созданы в западносирийской («яковитской») Церкви. Наиболее ранние восточносирийские миниатюры обнаружены автором этого исследования в манускриптах второй половины XVI в., выполненных каллиграфом ‘Атṭāyā Газартским. В этих миниатюрах появляются также четверостишия, сочиненные предположительно самим каллиграфом, в которых упоминается его имя в связи с просьбой молиться о нем. Как и изображения, в которые они инкорпорированы, четверостишия встречаются лишь в наиболее нарядно декорированном типе церковной книги – крупноформатных Евангелиариях, написанных торжественным и монументальным дуктом *эстрангело*. Каллиграф ‘Атṭāyā, по-видимому, внес важную лепту в развитие оформления восточносирийской церковной книги. В течение последующих столетий канон оформления этих рукописей поддерживался – набор четверостиший и изображений оставался довольно постоянным, как и сочетание первых со вторыми. Последующие поколения переписчиков Евангелиариев продолжали использовать эти тексты, инкорпорировав их в соответствующие изображения, подставив свое имя в молитвенные обращения.

По-видимому, первоначальной причиной инкорпорирования писцовых четверостиший в миниатюры была попытка привлечь к молитвам о переписчике внимание читателей. Рукописные миниатюры обычно обращают на себя внимание, в отличие от колофонов, которые читают далеко не все.

Несколько позднее писцовые четверостишия стали инкорпорировать и в декор более скромно оформленных церковных книг, например, «Худры» и «Газзы». Поскольку эти рукописи традиционно не содержали миниатюр, писцовые четверостишия вписывались в декоративные заставки, которыми украшались эти типы церковной книги. По-видимому, весьма существенную роль в развитии этой тенденции сыграл священник, поэт и переписчик Гйваргис Алкошский, от которого сохранилось не менее сорока шести манускриптов, выполненных в интервале между 1676 и 1727 годами. Поскольку писцовые четверостишия было трудно вместить в декорирующие «Газзу» изящные геометрические заставки, заполненные полихромными орнаментами, каллиграф стал выписывать поэтические строки снаружи, по сторонам от них. Такой прием придал начертанию писцовых четверостиший больше свободы и превратил их в сложные каллиграфические композиции. Написанные монументальным *эстрангело* красными чернилами, эти строки имеют весьма причудливое, необычное расположение. При этом количество таких писцовых четверостиший сильно увеличилось – они вписаны вокруг всех декоративных заставок, то есть после каждого раздела рукописи. Рассмотренные явления были следствием возраставшей на протяжении столетий роли поэзии в восточносирийской книжности. Постепенно она становится частью канона оформления рукописных церковных книг, сначала проникнув в писцовые введения и колофоны, а затем став важным элементом декора.

Стихотворения, написанные рукой переписчиков, часто обнаруживаются и на переплетных листах. Нередко они представляют собой поэтические

заметки, адресованные читателю, или всякому, кто может держать манускрипт в руках. Один из примеров таких заметок – маленькая подборка четверостиший, содержащих проклятия, адресованные потенциальным ворах рукописи.

Краткие поэтические тексты вписывались в манускрипты не только писцами. Множество стихотворений различной формы и длины были написаны паломниками на переплетных листах и между основных текстов в рукописях, хранившихся в монастырях. В частности, в османский период восточносирийской Церкви принадлежала обитель в Иерусалиме, посвященная Деве Марии. В ее библиотеку жертвовались манускрипты, принесенные многочисленными паломниками из восточных областей империи. Например, сохранились стихотворные произведения, по-видимому, сочиненные ими, вписанные в рукописи 'Абдйшб' Газартского, пожертвованные в иерусалимский монастырь. Эти тексты повествуют о паломничествах церковников из областей Ирака в XVII–XVIII веках и их жизни в Священном городе, касаясь также популярной в поэзии теме чужбины. С точки зрения поэтической формы эти стихотворения также в целом следуют канонам, выработанным в период «Сирийского ренессанса» – небольшие строфические произведения, а также четверостишия.

Подобные произведения являются важным источником по истории культурной жизни восточносирийских общин в османский период, а также свидетельством широкой популярности поэзии в церковных кругах.

В **заключении** обобщены основные результаты диссертационного исследования, кратко формулируются основные этапы эволюции восточносирийской поэзии в рассматриваемый период, перечисляются группы текстов, соответствующие им.

В XIII–XVII вв. наблюдались два периода расцвета сирийской поэзии. Первый произошел в период господства Ильханов, а второй – в период Османской империи, начиная с середины XVI в. В эпоху первого расцвета

произошли серьезные изменения в стиле, характере и формах поэзии, что было связано с изменением положения христианских общин на Ближнем Востоке. Сирийские поэты этого периода оказались приближенными к ханскому двору и пытались создать образцы поэзии нового, более утонченного стиля, используя достижения мусульманской (арабской и персидской) поэтической традиции. При этом часть поэтов следовала именно персидским прототипам, как явствует из используемых ими поэтических форм и образов.

В эпоху второго – формы, выработанные поэтами монгольского времени, были взяты за эталон. В этот период речь идет уже, скорее, не о развитии форм, а об их использовании в новом историческом контексте.

Поэзия постепенно приобретала все большую популярность. Благодаря тому, что многие церковные иерархи были переписчиками и поэтами, писцовые стихотворения становятся частью канона оформления церковных книг. Это отличает их от аналогичных писцовых поэтических текстов в мусульманской традиции, где они являлись опциональными.

В диссертации имеется четыре **Приложения**, каждое из которых относится к соответствующей главе, а также восемь цветных иллюстраций.

В перечне **литературы** приведено свыше 80 рукописей, а также около 300 книг и статей на русском, европейских и восточных языках.

По теме исследования автором опубликованы следующие работы

Книги

A. Pritula, *The Wardā: An East Syriac Hymnological Collection. Study and Critical Edition*. Göttinger Orientforschungen, I. Reihe: Syriaca 47. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2015, 559 pp.

Статьи в международных научных журналах, индексируемых в WoS и Scopus, а также входящих в список журналов высокого уровня, подготовленный в НИУ ВШЭ

1. А. Д. Притула. К вопросу о датировке 'Онит восточносирийской (так называемой несторианской) церкви // *Вестник Санкт-Петербургского университета*. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика. Выпуск 4 (Декабрь, 2009), с. 184–189.

2. A. Pritula, “The *Wardā* Hymnological Collection” [Гимнографический сборник «Варда»], *Scrinium*, 9 (2013), pp. 309–365.

3. A. Pritula, “The *Wardā* Hymnological Collection and Šlēmōn of Ahlāṭ (13th Century)” [Гимнографический сборник «Варда» и Шлемон Ахлатский (XIII век)], *Scrinium*, 10 (2014), pp. 149–207.

4. А. Д. Притула. Из келий в ханские шатры: сирийская поэзия монгольского времени // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2015. №2 (33), с. 88–117.

5. A. Pritula, “ ‘Abdīšō‘ of Gāzartā, Patriarch of the Chaldean Church as a Scribe” [‘Авдишо‘ Газартский, патриарх Халдейской церкви как писец], *Scrinium*, 15 (2019), pp. 297–320.

6. A. Pritula, “East Syriac Poetry Embedded in the Manuscript Illumination: 16th Century” [Востоchnосирийская поэзия, вставленная в рукописный декор: XVI в.], *Manuscripta Orientalia*, 26, 1 (2020), Thesa Publishers, pp. 26–36.

7. A. Pritula, “What Kind of Poetry Would a Syriac Manuscript-Thief Read about Oneself?” [Какую поэзию прочитает о себе похититель рукописей?], *Scrinium*, 16 (2020), pp. 390–397.

8. A. Pritula, “East Syriac Poetry Incorporated in the Manuscript Decoration: 17th – 18th Centuries, *Manuscripta Orientalia*” [Востоchnосирийская поэзия, инкорпорированная в рукописный декор: XVII–XVIII вв.], 26, 2 (2020), Thesa Publishers, pp. 3–11.

9. A. Pritula, “Pulling a Yoke through the White Field: East Syriac Poetic Paraphrases of Scribal Rhetoric” [Тащить ярмо через белое поле: востоchnосирийские парафразы писцовой риторики], *Aramaic Studies*, 2021, 7 pp. (forthcoming).

10. A. Pritula, “Reading and Writing on Reading and Writing: Short Poetry on Flyleaves in a Manuscript of the *Metrical Grammar* (DCA 00065)” [Чтение и написание о чтении и написании: короткие стихотворения на переплетных листах рукописи «Метрической грамматики» (DCA 00065)], *Scrinium*, 10 pp. (forthcoming).

11. A. Pritula, “ ‘Scribal’ Quatrains in Poetry Collections: A General Typology and the Question of Origin” [Писцовые четверостишия в поэтических сборниках: общая типология и вопрос происхождения], *Manuscripta Orientalia*, 9 pp. (forthcoming).

12. A. Pritula, “From Nineveh to Fars: The Poetic Program of Bar ‘Ebrōyō and Khāmīs bar Qardāḥē” [Из Ниневии в Фарс: поэтическая программа Бар ‘Эбройо и Хамиса бар Кардахе], *Scrinium*, 8 pp. (forthcoming).

13. A. Pritula, “From Tigris to Jerusalem: East Syriac Poetic Notes from the Ottoman Time” [От Тигра до Иерусалима: восточносирийские поэтические заметки Османского периода], *Hugoye: Journal of Syriac Studies*, 22:1 (2019), pp. 193–234.

14. А. Д. Притула. Восточносирийский лекционарий Сир. 26 в собрании ИВР РАН: «старые» и «новые» стихи и изображения // *Письменные памятники Востока*, 2020, том 17, № 2 (вып. 41), с. 87–101.

15. А. Д. Притула. «Грамматика — это мост ко всем знаниям»: короткие стихотворения на переплетных листах в рукописи «Метрической грамматики» // *Письменные памятники Востока*, 2021, том 18, № 1 (вып. 44), с. 44–52.